26 апреля выходим на Чернобыльский шлях!

ТОВАРИЩ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕВАЯ ГАЗЕТА

№ 14 (546)

21 апреля 2006 года

Издается с декабря 1994 г.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Минский городской исполнительный комитет дал разрешение на проведение в столице 26 апреля 2006 года традиционного Чернобыльского шляха.

Правда, чиновники лишь частично удовлетворили заявку организаторов мероприятия, разрешив им сбор участников в 18.00 не на Октябрьской площади, а на площадке перед зданием Национальной Академии наук.

Санкционировано также шествие по центральному проспекту и улице Сурганова к чернобыльской церкви, находящейся в районе площади Бангалор, где состоится митинг.

Организаторы мероприятия считают, что люди, которые в день 20-летия чернобыльской трагедии все-таки будут собираться в районе Октябрьской площади, смогут по пешеходным дорожкам пройти к Академии наук и там уже присоединиться к санкционированному мероприятию.

Александр МИЛИНКЕВИЧ, лидер объединенных демократических сил Беларуси

ОСТАНОВИМ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЧЕРНОБЫЛЬ

Никто не будет спорить с тем, что авария, произошедшая 20 лет назад на Чернобыльской АЭС, стала самой крупной техногенной катастрофой в истории человечества. За прошедшие годы от полученных доз радиационного облучения погибли десятки тысяч человек — ликвидаторов, тех, кто оказался рядом с местом трагедии, и тех, кто стали невинными жертвами радиации во всех уголках Беларуси. Сотни тысяч жителей были отселены из родных мест. Опустели города и села. Там, где некогда кипела жизнь, создан безлюдный Полесский радиологический заповедник, ставший памятником преступной человеческой безответственности.

В этом году Беларусь отмечает еще одну трагическую дату. Десять лет назад в стране произошел конституционный переворот, который привел всех нас к еще одной, может быть, более страшной катастрофе — духовному и политическому Чернобылю. Референдум 1996 года устранил конституционное разделение властей и создал предпосылки для скатывания страны к диктатуре. Диктатуре, которая должна стать последней в Европе. Кто бы мог подумать, что именно белорусы окажутся заложниками системы, которая отнимает у людей свободу, лишает их правды и не оставляет надежд на справедливость.

Прошедшее десятилетие показало, сколь прост и незаметен путь от свободы к рабству. Продемонстрировало, как можно сделать из разумного здравого человека послушное воле безжалостного тирана существо. Приводные ремни этого механизма общеизвестны: у народа надо отнять историческую память, лишить высших стремлений, приучить довольствоваться малым и не мечтать о чем-то большем. С этой задачей пока успешно справляется отлаженная государственная пропагандистская машина, вся мощь которой направлена на создание идеологического мифа о том, что белорусы — самые счастливые люди в мире.

Только вот жизнь всегда берет свое. За годы правления Лукашенко население этой самой счастливой страны уменьшилось на полмиллиона человек. Эта цифра на порядок больше всех жертв Чернобыля. Можно сказать, что с карты Беларуси в одночасье исчезли несколько густонаселенных районов. Если так пойдет и дальше, то жить в лукашенковском рае скоро будет некому.

20 лет назад произошла трагедия, которая должна была бы сплотить нацию во имя будущего. Чернобыль — трагедия национального масштаба, последствия которой также необходимо преодолевать всем миром. Символом национального единения, согласно Конституции Республики Беларусь, является президент страны. Однако именно Лукашенко стал тем камнем преткновения, который разделил нацию даже по такому, казалось бы, неоспоримому вопросу.

Правда о Чернобыле стала старательно замалчиваться властью. Более того, пострадавшие регионы объявлены зоной активного земледелия. В них выращивают пшеницу, на зараженных цезием и стронцием полях пасут скот. Потом из него производятся мясные и молочные продукты питания и прочая так называемая чистая сельскохозяйственная продукция. В пострадавших районах активно идет газификация, возводятся новые дома, в них насильственно по распределению направляют молодых специалистов. Только загрязненные радионуклидами территории все равно, как и все белорусское село, постепенно приходят в упадок. Жизнь медленно, но верно уходит из этих регионов. Но власть упорно не желает, а скорее не хочет, замечать этого. Распахиваются все новые и новые территории, людям вселяется мысль, что радиация — это всего лишь выдумка оппозиции и примкнувшей к ней части научной элиты. В подтверждение тезиса о безопасности проживания на загрязненных территориях Лукашенко раз в год лично посещает эти регионы. А те, кто не согласен с ним, кто считает, что постоянно жить в условиях повышенного радиоактивного фона смерти подобно, как, например, профессор Юрий Бандажевский, будут сидеть в тюрьмах.

Вообще, поведение власти в отношении инакомыслящих иначе, как политическим Чернобылем, не назовешь. Критику со стороны своих оппонентов Лукашенко рассматривает как подрывную деятельность в отношении устоев государства. Вместо сотрудничества оппозиции предлагается либо смириться и исполнять функцию поддакивающего механизма при действующей власти, либо она будет уничтожена.

Начало политическому Чернобылю также положили известные события 1996 года. В результате ноябрьского конституционного переворота исполнительная, законодательная и судебная власть оказались в руках одного человека, который и по сей день делает с ней, что хочет. Места инакомыслию в этой системе просто нет. Поэтому весь прошедший десятилетний период истории можно рассматривать как эпоху безжалостной борьбы Лукашенко с зачатками гражданского общества и политическими оппонентами. В этой неравной борьбе он преуспел. За 10 лет в Беларуси по надуманным причинам были ликвидированы сотни общественных объединений, еще больше организаций под натиском власти были вынуждены уйти в подполье. Закрыт единственный в стране белорусскоязычный лицей. Европейский гуманитарный университет вынужден продолжать свою работу в изгнании. Фактически выброшены на политическую обочину политические партии, становлению которых, согласно Конституции, государство обязано содействовать.

В стране практически не осталось независимых печатных СМИ. Неподконтрольные Лукашенко масс-медиа исключаются из системы распространения, выбрасываются из подписных каталогов, подвергаются постоянным проверкам контролирующих органов.

Власть до сих пор не может внятно ответить, что произошло с исчезнувшими в 1999-2000 годах политиками Юрием Захаренко и Виктором Гончаром, бизнесменом Анатолием Красовским и оператором российского телеканала ОРТ Дмитрием Завадским. В СИЗО и тюрьмах сидят политзаключенные Николай Статкевич, Павел Северинец, Валерий Левоневский, Александр Козулин, Змицер Каспярович, Николай Автухович, Александр Козаков, Дмитрий Зубро, Александр Шалайка, Тимофей Дранчук, Николай Астрейко, Энира Браницкая, Артур Финкевич, Николай Разумов, Никита Сасим, Юрий Радивил, Сергей Ляшкевич. Тысячи репрессированных, уволенных с работы, отчисленных из учебных заведений активистов демократического движения — вот далеко не полный итог 10-летнего политического Чернобыля в Беларуси.

Сформированная за десятилетие единоличного правления Лукашенко законодательная база привела к возникновению в Беларуси уникальной системы правоотношений государства с его гражданами. Закон перестал иметь высшую, безусловную к исполнению силу, а стал носить избирательный характер. С правосудием теперь можно сторговаться. Ярким проявлением этой глубоко порочной, разъедающей моральные устои общества системы стало законодательное наделение Лукашенко самодержавным правом миловать преступников, покаявшихся перед главой государства и возвративших в казну украденное. Так, втайне от всех, президентским указом была помилована бывшая управляющая делами Галина Журавкова, похитившая у государства миллионы долларов.

При Лукашенко правоохранительные органы вместо своей основной функции — заботиться о безопасности граждан — превратились в органы политического сыска. Телефоны инакомыслящих прослушиваются, за лидерами оппозиции ведется тотальная слежка. Скрыться от всевидящего ока государства стало практически невозможно. И все это делается в полном соответствии с Законом. Лукашенковским законом, разумеется.

Назначаемые Лукашенко судьи выносят оппозиционерам суровые приговоры и отказываются принимать к рассмотрению иски оппонентов, хотя бы о защите чести и достоинства. Очевидно, в лукашенковской Беларуси они не имеют права ни на честь, ни на достоинство. Что это, если не правовой Чернобыль?

Верхом цинизма стала последняя избирательная кампания. Нас долго убеждали в том, что исход выборов предрешен, что эту кампанию необходимо бойкотировать. Но мы знали, что миллионы наших сограждан не хотят больше терпеть лжи и насилия, что они хотят правды и справедливости. Отказаться от участия в выборах, означало бы предать этих людей. И мы не ошиблись. Благодаря выборам сторонники демократических перемен осознали, что их большинство, что их соседи, с которыми они еще вчера боялись говорить даже на кухне о политике, тем более критиковать власть, придерживаются таких же взглядов, что и они.

Глоток Свободы, который вдохнули люди на президентских выборах, не должен опьянять сторонников демократических перемен. Он должен придать нам силы, необходимые для того, чтобы разрушить эту власть, держащуюся на лжи, страхе и насилии. Мы сделали только первый шаг к победе. И теперь приступили к осаде крепости. Она не монолитна, в ней есть бреши, через которые на улицы наших городов вернутся Свобода, Правда и Справедливость. Так будет! Потому что за нами — правда истории! Политическому Чернобылю будет положен конец!

www.milinkevich.org

ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ

В ночь с 25 на 26 апреля 1986 года на атомной электростанции около небольшого украинского города Чернобыль произошла самая страшная техногенная катастрофа в истории. Наверное, это не самая крупная катастрофа по единовременным человеческим потерям. Но зато последствия ее ужасны. Последствия для здоровья людей, экономические последствия, экологические и даже социальные. А ведь настоящие последствия аварии еще не наступили. Влияние ионизирующего излучения на здоровье человека мало изучено, поэтому сложно предсказать, как оно скажется на здоровье населения в отдаленном будущем.

В прошлом году мне довелось побывать в зоне отчуждения и в зоне отселения, а также вблизи самого реактора. Въезжая в зону, поражаешься красоте природы — нетронуты леса, луга. Жизнь идет своим чередом — невероятное видовое разнообразие флоры и фауны. А потом осознаешь, какую опасность таит в себе вся эта красота, и уже, практически физически, начинаешь ощущать ее воздействие. Начинает возникать чувство незащищенности, ведь радиоактивное излучение присутствует повсюду. Дозиметр показывает невероятное значение степени заражения, эквивалентное дозе, которая превышает в десятки, сотни раз нормальные показатели. Здесь самая большая плотность загрязнения по цезию-137 и стронцию-90, а также высокая концентрация трансурановых элементов.

Проезжая по отселенным деревням, душа болит при виде брошенных домов, которые смотрят на тебя черными оконными проемами, как пустыми глазницами. Около каждого дома растут одичавшие уже плодовые деревья и разросшийся на всю дворовую территорию малинник с сочными мясистыми ягодами. В деревнях зоны отселения можно встретить ухоженный домик с огородом и садом — жилой домик. Таких очень немного. Живут здесь в основном пожилые люди, которые не смогли прижиться на новом месте и вернулись в родную деревню. Держат хозяйство. Но это люди нерепродуктивного возраста, поэтому в данном случае мутации не передадутся по наследству. Да и понять чернобыльских стариков можно — всю жизнь здесь прожили, а тут их взяли и вырвали "с корнями" с обжитого места. Позиция этих людей такова: "А чего радиации бояться? Мы ее не видим. Где она? Нам она не мешает, значит можно жить". Хуже то, что к некоторым из них приезжают погостить, попить парного ("грязного") молочка внуки, правнуки.

До сих пор на загрязненных территориях продолжают жить миллионы людей. Отселение требует огромных материальных затрат, поэтому правительству проще сказать, что все в порядке, жить можно. Так ли это?

В результате аварии в атмосферу было выброшено огромное количество радиоактивного йода, который поражает щитовидную железу. Йод-131 — короткоживущий изотоп (период полураспада чуть более 8 суток), поэтому в первые недели аварии он был самым опасным непосредственно для людей, так как ввиду малого периода полураспада не приводит к загрязнению окружающей среды. Сейчас около 90 процентов всей дозовой нагрузки дают цезий-137 и стронций-90. Периоды полураспада 30 и 28 лет соответственно. То есть за это время (20 лет) не распалось и половины имеющихся радионуклидов. Цезий-137 накапливается в мышечных тканях и является мощным гамма-излучателем. Стронций-90 накапливается в костях, что нарушает выработку красных кровяных телец (лейкимия). Кроме того, существует такое понятие как период полувыведения радионуклида из организма. Т.е. время, за которое в результате обмена веществ выйдет из организма половина содержащегося радионуклида. Так, для цезия-137 период биологического полувыведения составляет примерно 150 суток. Это значит, что за несколько лет выйдет весь поглощенный цезий-137. Для стронция период полувыведения составляет 70 лет (!). Т.е. в течение жизни человека стронций из организма не выводится, а только накапливается.

Неподалеку от города Хойники имеются так называемые "стронциевые поля", на которых выращивают морковь, картофель, свеклу и т.д. Экологи выступают за то, чтобы вывести их из эксплуатации, но увы... пока что их усилия тщетны. Должно пройти около восьми периодов полураспада, прежде чем можно было бы ввести в эксплуатацию загрязненные земли. Но! Нельзя забывать о более долгоживущих и не менее опасных радионуклидах. Это, в частности, америций-241, который образуется при распаде плутония-241 (период полураспада около 15 лет). Этот изотоп проявляет особую активность в биологическом круговороте. Америций-241 имеет очень жесткое гамма-излучение и при попадании в организм поражает в первую очередь пищеварительную систему. А так как он является водорастворимым элементом, то легко может мигрировать в грунтовые воды и стать настоящим ядом для человека. Самая высокая плотность загрязнения по плутонию-241 в Брагине . Так же достаточно высокие уровни загрязнения по данному изотопу наблюдаются в Хойникском и Наровлянском районах. А ведь там живут люди.

Таким образом, что бы нам ни говорили с экранов телевизоров, и речи быть не может о введении сельскохозяйственных угодий в эксплуатацию и заселении территорий, пострадавших от чернобыльской катастрофы.

Официальная пропаганда уделяет большое внимание воздействию малых доз радиации. Внешне они никак не проявляются, и может создаться впечатление, что радиация вреда не приносит. Но последствия могут проявиться в следующем поколении, или через поколение, через два поколения. В любом случае, рано или поздно, последствия воздействия ионизирующего излучения дадут о себе знать и будут преследовать человека еще очень долго.

Надежда РУДАЯ, студентка Международного экологического университета им. А.Д.Сахарова. Минск

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ТРАГЕДИИ

Тот роковой для Беларуси апрель выдался теплым, а 26-го установилась практически летняя погода. Поэтому на берега рек и озер высыпали тысячи отдыхающих, расположившихся на согревающем все вокруг солнышке в стремлении получить необходимый телу ультрафиолет. И практически никто не знал, что случилось страшное, что солнце уже не только греет, но и убивает.

Это к вопросу о том, как это было. Было как всегда — о грозящей беде не знали те, над кем она уже занесла свои черные крылья.

Но были и люди знающие, что нечто подобное может случиться в любой момент, поскольку ЧАЭС принадлежала к числу особо контролируемых объектов, но строили станцию так, как строили бы и колхозный коровник.

"По имеющимся в КГБ СССР данным, на отдельных участках строительства второго блока Чернобыльской атомной электростанции имеют место отступления от проектов, а также нарушения технологии строительных и монтажных работ, что может привести к аварии и несчастным случаям", — писал 21 февраля 1979 года в ЦК КПСС председатель КГБ Ю.Андропов.

То есть, рвануть могло не на четвертом, а на втором энергоблоке, не в 86-м, так в 89-м, не весной, так летом.

И вот рвануло.

"26.04.86 г. в 1 час 21 мин при выводе энергоблока номер четыре Чернобыльской АЭС в плановый ремонт после остановки реактора произошел взрыв в верхней части реакторного отделения... По мнению третьего Главного управления при Минздраве СССР, принятия специальных мер, в том числе эвакуации населения из города, не требуется..." (из секретного донесения Министерства энергетики и электрификации СССР об аварии на блоке N 4 Чернобыльской АЭС в ЦК КПСС).

Медицинские чиновники посчитали, что советского человека какой-то там радиацией не проймешь. Хотя западные страны сразу же забили тревогу:

"Авария на Чернобыльской АЭС вызывала обостренную реакцию как за рубежом, так и со стороны посольств ряда стран в Москве.

Наибольшую обеспокоенность проявили Швеция, Финляндия и Дания, которые опасаются угрозы радиоактивного заражения своей территории. Их представители отмечали, что уровень радиации атмосферы в их странах превысил допустимый в шесть раз... Представители некоторых стран... пытаются предъявить претензии в том, что они были информированы о факте аварии с запозданием...

Можно было бы выразить по дипломатическим каналам признательность представителям тех стран, которые предложили свою помощь в ликвидации последствий аварии, отмечая при этом, что на данном этапе потребности в содействии со стороны других государств не возникает" (из секретной записки МИД СССР в ЦК КПСС от 30 апреля 1986 года).

Были честные и принципиальные оценки произошедшего и в нашей стране:

"С 4 по 9 мая я был в районе Чернобыльской АЭС. Некоторыми своими наблюдениями считаю необходимым поделиться.

1. Эвакуация Припяти. Уже через час радиационная обстановка в городе была ясна. Никаких мер на случай аварийной ситуации там не было предусмотрено: люди не знали, что делать. По всем инструкциям и приказам, которые существуют 25 лет, решение о выводе населения из опасной зоны должны были принимать местные руководители... Никто не взял на себя ответственность (шведы сначала вывезли людей из зоны своей станции, а только потом начали выяснять, что выброс произошел не у них).

2. На работах в опасных зонах (в том числе в 800 метрах от реактора) находились солдаты без индивидуальных средств защиты.

3. В Киеве панические настроения возникли по многим причинам, но в первую очередь из-за отсутствия информации..." (из секретной записки редактора газеты "Правда" В.Губарева в ЦК КПСС от 16 мая 1986 года).

Ключевые слова в этом тексте "ответственность" и "информация". Как и во всякой вертикально организованной властной структуре (в самом уродливом виде она восстановлена сегодня в Беларуси) нижестоящие ответственность брать на себя не хотят, подлинную информацию скрывают, рассчитывая, что, может быть, само-собой рассосется.

А наверху тоже ведут себя как дети:

"В связи с новой волной спекуляций, распространяемых на Западе, о причинах и последствиях аварии на Чернобыльской АЭС и попытками создать искаженное представление о мерах помощи пострадавшему населению Киевской и Гомельской областей, предпринимаемых нашими партийными и государственными органами, полагали бы целесообразным провести в течение ближайшей декады пресс-конференцию" (из докладной записки заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС Ю.Склярова от 26 августа 1986 года).

Мол, не паникуйте, ничего страшного, сами справимся.

А вот и виновного нашли:

"Согласно выводам судебно-технической экспертизы, уровень технологической дисциплины на Чернобыльской АЭС не соответствовал предъявляемым требованиям. На станции имели место систематические нарушения технологического регламента, значительное количество остановок блоков по вине персонала. В отдельных случаях истинные причины нарушений скрывались... За период 1980-1986 годов в 27 случаях из 71 расследования вообще не проводились... 31 декабря 1983 года, несмотря на то, что на четвертом энергоблоке не были проведены необходимые испытания, Брюханов подписал акт о приемке в эксплуатацию пускового комплекса на блоке как полностью законченного" (из судебного приговора бывшего директора ЧАЭС Брюханова).

Умиляет, что акт был подписан именно в канун Нового года, видимо, торопились выполнить план. Правда, на месте Брюханова мог оказаться любой, но акт все равно был бы подписан.

Алесь МАСТАВЫ. Минск

ДВЕ БЕДЫ

У Беларуси две беды — Чернобыль и режим Лукашенко. Вот уже 20 лет на 1/5 территории нашей страны умирающая Чернобыльская АЭС убивает жизнь. Вот уже 12 лет Беларусь выполняет функцию экспериментальной лаборатории, а почти десять миллионов ее граждан — роль подопытных. Над нами экспериментируют, как долго человек может прожить без свободы, правды и права выбора.

Александр Лукашенко во время посещения сельской школы в чернобыльской зоне: раз в год на это хватает мужества даже у него.

26 апреля 2006 года все будет, как всегда. Шумно и громко. Чернобыльцев и всех прочих граждан утопят, как Му-Му, в бурном информационном потоке. А местный правитель предстанет в образе святого покровителя жертв Чернобыля. БТ не преминет подсчитать, сколько раз Лукашенко осчастливил своим появлением жителей чернобыльских регионов. Попутно пропаганда пригвоздит к столбу позора всех оппонентов власти, которые в то время, как Лукашенко под прицелом телекамер поехал в Наровлю, шумят в столице.

Однако, только информация, пропущенная через фильтр Правды, может претендовать на объективность. Давайте называть вещи такими, какие они есть, а не какими видятся Лукашенко и его окружению. И тогда станет ясно, что приобрели, а что потеряли за эти годы 2 миллиона людей, проживающих на загрязненных территориях.

Факты говорят за себя. Лукашенко с подручными и никто другой отняли у чернобыльцев денежную компенсацию за проживание в регионах, отмеченных Чернобылем. Это сделала власть, а не ее оппоненты.

Это правительство Лукашенко лишило чернобыльцев льгот на проезд в общественном транспорте. Не сторонники перемен, а восседающие в Красном доме экспроприировали возможность получать льготные кредиты для строительства. Такие возможности есть, как свидетельствует пресса, у Шеймана, Коноплева, Наумова, Постоялко и других членов "семьи" Лукашенко — но у чернобыльцев таких возможностей нет.

Все, что осталось — это право на получение бесплатных лекарств. Но на практике невозможно получить дорогие препараты. Из этого следует, что в большинстве случаев люди не могут воспользоваться своим правом на государственную помощь.

За 12 лет никто и словом не обмолвился в государственных СМИ о том, что в действительности потеряли за эти годы чернобыльцы. Власть с лощеным лицом вещает про "заботу о детях", а параллельно прилагает усилия для сокращения программ по оздоровлению чернобыльских детей за границей. Белорусскому диктатору, видите ли, кажется, что европейские ценности растлевают подрастающее поколение. Понятно: дети, имевшие возможность своими глазами увидеть реальный Запад, вряд ли станут поклонниками "белорусского экономического чуда" и к тому же раскроют глаза своим родителям, которые зачастую десятилетиями не выезжают за пределы мест проживания. Молодое поколение восстает против лжи. В этой ситуации власть решила: выгоднее, чтобы чернобыльские дети не выезжали из страны. Пусть болеют, зато будут "идеологически правильными". Это не что иное, как лицемерие и цинизм правящего в Беларуси режима.

В этом же ряду и обязательное распределение студентов на работу в чернобыльскую зону. Вместо того, чтобы использовать исключительно экономические механизмы стимулирования, режим делает ставку на механизмы принудительные. Но они удивительным образом не распространяются на молодых людей с фамилиями Лукашенко, Невыглас, Пролесковский и т.п.

26 апреля 2006 года — это не только 20-летие Чернобыльской катастрофы, это и 20 лет замалчивания либо дезинформации о том, что в действительности происходит в загрязненных регионах. Нынешний Чернобыльский шлях — это не только напоминание властям о нерешенных проблемах. Это еще и первая общенациональная акция после 19 марта, когда власть сыграла в наперстки с избирателями, и разгона палаточного городка. В этот день станет ясно, действительно ли люди поднимаются с колен.

Анатолий ЛЕБЕДЬКО,
председатель Национального Комитета объединенных демократических сил

ЛЮДИ НА ИЗЛЕТЕ

Люди везде живут трудно. Старость — всегда сумма пережитых бед. Биологические "часы" белорусов в последнее время сошли с ума: по утверждению ученых, все мы старше положенного лет на 10-30. Почему же тогда не спокойны и не мудры, как надлежит старикам, уверенным, что каждому в жизни досталось и достанется не меньше моего?

Мы не знаем, сколько достанется нашим детям. Мы представить себе боимся, сколько им может достаться! И только это незнание, этот страх мы имеем в качестве подготовленного к передаче наследства — что бы ни говорили там с высоких трибун или из "гущи" подобострастного народа "схватившие за бороду" если не Бога, то этот дьявольский, проклятый Чернобыль…

Президент гостевал где-то тут, но не тут

В это заречье мы свернули, впечатленные рассказом о десятидневном отдыхе в здешних местах президента Лукашенко. Речушку нашли, на берегу — свежий желтый песок, довольно большая площадка. В деревеньке рядом на заросшей улице — ни души, в крайней избе дверь на замке — обычном, навесном, но с еще не сползшей краской. Значит, есть у дома хозяин и, возможно, просто отлучился куда по делам, обозначив свою собственность немудреным запором.

Минуем еще подворье — с виду совсем нежилое. Прикидываем: неужто и вправду здесь гостевал президент, в местах таких непрезентабельных?

Все разъяснилось через пару минут: то заречье - "па другі бок шашы". Баба Валя, обеспокоенная "шастаньем" по дворам незнакомых нездешних людей, встала за своей калиткой.

— Ня будзе тут у вас торгу, няма каму купляць, едзьце адсюль! — кричит вполне миролюбиво. И, когда мы уже приблизились, спрашивает доверительно: — А можа, хату якую прыглядаеце купіць?

Мы объясняем, что не по коробейной части и хата нам не нужна — людей ищем. Поглядывая на микрофон и на всякий случай окликнув дворового Шарика, баба Валя не прочь поговорить. Деревенька, по ее словам, обезлюдела оттого, что молодые "цяжка рабіць ня хочуць" — посъежали в Гомель. Старики поумирали — хата, на которой еще не ржавый замок, досталась в наследство давно городским соседским детям, те просят при случае интересоваться у заезжих людей: вдруг кто купит? На наш столичный взгляд, покупать-то и нечего — догнивающие сараи и обветшалый домок. Но у людей деревенских свое понятие о ценности: хата и огород при ней всегда прокормят.

Свою дочь Нину баба Валя тоже давно отправила в город. Выучила, мехами возила картошку в общежитие и сумками деревенскую еду. Это теперь на подворье бабы Вали только картинно яркий большой петух и пару скромниц-хохлаток. Да еще кошки с Шариком. А было, держала кабанчиков, корову…

С родительской помощью построили дочери "кооператив". Но нынче Нина все по больницам, и зять пьет: "Нет жизни", — заключает баба Валя. Супруг Валентины Степановны тоже в Гомеле — он крепкий еще и, по мнению бабы Вали, решил хорошо пожить — работает вахтером, живет в общежитии. "Многа ў тым горадзе абшчажыцій", — констатирует баба Валя.

Мы пытались было говорить о радиации, но тема показалась женщине совсем никчемной: позбегали, говорит, некоторые сдуру и с перепугу, потом возвращались, "растрэслі па свеце, што нажылі". Никто и никогда "на радиацию" бабу Валю не проверял, все эти годы живет, как жила — со своего подворья, огорода. "Але ж крапчэйшая, чым дачка ў тым горадзе", — замечает грустно.

На президента баба Валя не ходила смотреть: "Чаго на яго глядзець, кожны вечар бачу па тэлевізары, калі святла не шкада". Говорит, другие люди ходили, но там охрана, только начальство пускали.

В своей деревеньке баба Валя совсем не одна — вот дом через дорогу за плотными высокими воротами. Но соседи, судя по всему, не слишком дружат: "Нацягнулі сабе дабра з кінутых хат, але Бог бацька — спакойнай жызні ня маюць".

Бордовые мальвы за калиткой намекают на вечер, усиливаются особые, многослойные и неповторимые в городе запахи деревенского двора — так пахло в моем детстве на пороге бабушкиного дома. Укропом, петрушкой и утренней бульбой, разомлевшей за день, тянет с маленькой веранды…

Я почему-то прикидываю, что облокотившаяся на калитку женщина по годам моей бабушке годилась бы в старшие дочки, и вдруг немею от мысли: что же это за жизнь такая, если за целое поколение в деревенском быте не изменилось практически ничего? И вытянув жилы "ради детей", люди запускают своих чад в бесконечное преодоление того же проклятого ими круга, обреченные равно бедствовать что в забытых деревнях, что в забытых многоэтажных "кооперативах". Если Чернобыль — преодоление беды, то растянулось оно у нас до беспросветной бесконечности, и даты конкретных бед — только вехи, усложняющие условия проводимых кем-то над нами испытаний…

Податливые цифры

Пункт радиационного контроля резко пахнет краской. В каменном домике, судя по всему, ветлечебница, но целый кабинет — с мудреными приборами, позволяющими "померять" что угодно — от кружки воды до человека. Воды, объясняют, нужно не менее литра, а людей тестируют на специальном кресле, которое сейчас "на выезде" — плановая проверка детишек в местной школе. В положенных журналах зафиксированы дозы прежних измерений — в графах записаны только дети, взрослые должны проходить контроль в поликлиниках, некоторые руководители, впрочем, заказывают "кресло" в трудовые коллективы и обследуют своих работников, не полагаясь на извечную человеческую привычку все откладывать на потом. Заботливых начальников, однако, немного, да и график поездок измерительного кресла достаточно плотен, тут бы с детишками успеть.

По данным "негосударственных" ученых, количество пунктов радиологического контроля в стране уменьшилось за прошедшие годы вдесятеро. Этот, найденный нами в самом южном и самом пострадавшем районе республики, должен охватывать довольно большую территорию. Но в лесок на взгорочек очередь не тянется, и по датам в журналах видно, что проверить, например, молоко приходят не каждый день и не каждую неделю. Разве что в ягодно-грибной сезон количество посетителей увеличивается. Но радиолог говорит, что местные давно знают, где и что собирать.

Огороженная "колючкой" зона от пункта в нескольких километрах. Мы проезжали сквозь нее по разбитой асфальтной дороге, что, в принципе, делать нельзя, но в сопровождении районного начальства можно, тем более, что у корреспондентов всегда "время горит".

Столичные специалисты втолковывали нам накануне, что доза накопления 50 беккерелей на килограмм грозит патологическими изменениями в человеческих органах и тканях. Мы долго считали: если в картошке 20 и еще по пятаку в хлебе и луке, "не помещается" в допустимый предел "нормативно-чистое" мясо и молоко, что-то нужно в "меню" перекраивать-пересчитывать.

Но в журналах контрольного пункта на юге Брагинщины против редкой фамилии значатся втолкованные нам 50. Есть 100, 120, за 300 и 500. В двух строчках — одна фамилия и цифры совсем большие, за 1000.

"Это школьная техничка, — поясняют нам. — Она уже старая, а рядом данные ее сына, они с мальчишкой вдвоем живут, кормятся с огорода, а больше из леса".

"Старой", как выяснилось, 32 года. Техничка в сельской школе вряд ли зарабатывает на достаточное количество "магазинной" еды и в лес ходит не из-за особого пристрастия к сушеным грибам.

(Окончание на стр. 3)

БЕЛОРУССКИЕ ВЛАСТИ "ПЕРЕСПЕЦИАЛИЗИРУЮТ" ЧЕРНОБЫЛЬСКУЮ ЗОНУ

Белорусы в большей степени склонны верить данным международной экологической организации "Гринпис", нежели официальной статистике. По версии "Гринпис", опубликованной за неделю до "черного юбилея", в обозримом будущем в Беларуси от болезней, вызванных облучением, погибнут более 22 тысяч человек.

Территория Беларуси приняла на себя самое большое число радионуклидных осадков. Только цезием-137 было покрыто 23 процента территории страны, тогда как в Украине — 5 процентов, в России — 0,6 процента. И именно в Беларуси, как заявляют на официальном уровне, накоплен уникальный опыт борьбы с чернобыльскими последствиями, за которым едут сегодня со всего мира.

19 апреля в Минск для участия в конференции "Чернобыль 20 лет спустя. Стратегия восстановления и устойчивого развития пострадавших регионов" прибыли более полутора тысяч человек из десятков стран мира. Обращаясь к участникам форума, премьер-министр Сергей Сидорский заявил, что главной заботой государства является здоровье людей. По его словам, к настоящему времени выполнены 3 государственные программы, на исполнение которых израсходовано порядка 18 миллиардов долларов.

Однако многие говорят, что деньги в большинстве своем уходят в песок. По мнению международных экспертов, долгосрочные последствия чернобыльской аварии для здоровья людей сильно недооценены. Причем, первые сомневающиеся в масштабе трагедии — сами руководители Беларуси. Притчей во языцех стала реплика Александра Лукашенко, который во время дежурного облета чернобыльской зоны как-то сказал, что жить в зоне не только можно, но и нужно. А ему, Лукашенко, на зараженной территории дышится даже лучше, чем в загазованном городе. Именно поэтому помощь чернобыльцам постепенно сворачивается, а жизнь на неблагоприятных территориях с молчаливого согласия высшего руководства возвращается к привычным устоям — с активным земледелием, культивацией животноводства, лесозаготовками и т.д. Причем, вся эта продукция активно экспортируется как в другие регионы Беларуси, так и за рубеж.

По инициативе Лукашенко в сельскохозяйственных организациях, где защитные меры не позволяют добиться устойчивого производства приемлемых в радиологическом отношении видов продукции, с 2002 года реализуются программы по "переспециализации". До 2005 года на эти цели выделено 34 миллиарда рублей. 19 апреля премьер Сидорский похвастался, что планомерно решается проблема обеспечения населения, проживающего в загрязненных радионуклидами районах, топливом и водой. В последние годы по поручению Лукашенко газифицировано 13 тысяч индивидуальных жилых домов, а непосредственно в загрязненных районах в ближайшей перспективе запланировано газифицировать еще около 20 тысяч домов.

Все эти факторы могут в перспективе существенно откорректировать официальные цифры пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС. Так, в докладе "Гринпис" опровергаются данные ООН о том, что общее число людей, которые погибли и могут умереть в будущем вследствие облучения, составляет в среднем 4 тысячи человек. "Гринпис" ссылается на исследования специалистов Беларуси, России и Украины, согласно которым в трех наиболее пострадавших странах от болезней погибнут около 100 тысяч человек, из них 22 тысячи — в Беларуси. Нынешние методы диагностики, анализа и лечения из-за отсутствия скоординированных международных действий не позволяют провести полномасштабную оценку долгосрочных последствий трагедии.

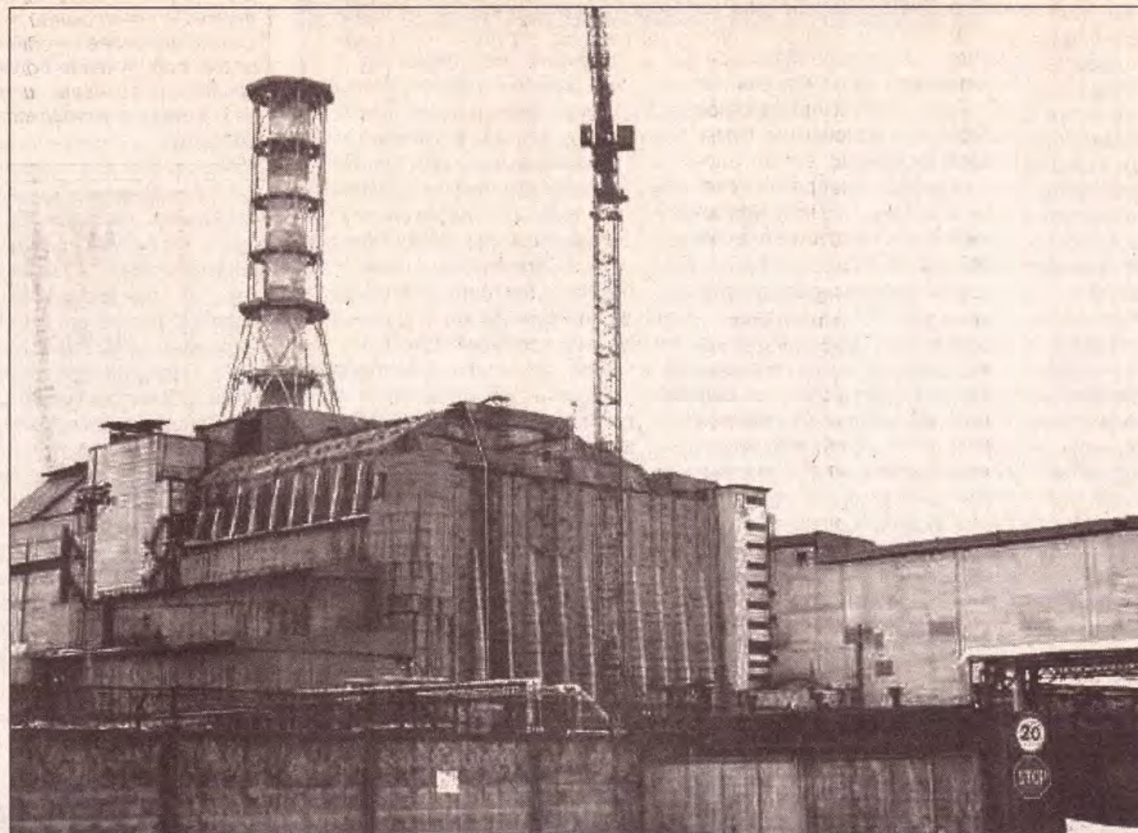
К слову, в прошлом году разгорелся нешуточный скандал, связанный с докладом Международного агентства по атомной энергетике (МАГАТЭ), где утверждалось, что для миллионов людей, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, ее последствия оказались минимальными. По утверждению авторов, предположения о преждевременном уходе из жизни подвергшихся воздействию радиации людей "надуманы" и не подтверждены данными, а "умеренный рост врожденных пороков у детей" объясняется "улучшением отчетности".

Все это играет весьма на руку белорусским властям, которые давно готовы рассказывать сказки о том, что Чернобыльская трагедия — история прошлого. По существу, Лукашенко и отдельные эксперты МАГАТЭ дудят в одну дудку. В унисон было заявлено о возможности возвращении загрязненных территорий в хозяйственный оборот и о создании в "зоне" хранилища для радиоактивного материала. По мнению ведущего специалиста по оценке медицинских последствий аварии на ЧАЭС профессора Юрия Бандажевского, доклад характеризуется крайне пренебрежительным отношением к пострадавшим.

Член Европейской комиссии по радиационному риску профессор Алексей Яблоков "разложил по полочкам" доклад МАГАТЭ: "Среди последствий катастрофы должно быть названо ухудшение здоровья нескольких сот тысяч человек. Рост доли новорожденных, умерших от пороков развития нервной системы, на загрязненных территориях Беларуси также отражают появление несовместимых с жизнью изменений при развитии плода под действием даже небольших доз радиации. Катастрофическое ухудшение здоровья детей по всем классам болезней на чернобыльских территориях сомнений не вызывает: здоровых детей в 1985 году на чернобыльских территориях было более 80 процентов, а в 2000-м — менее 20 процентов".

Правительства пострадавших от Чернобыля стран, конечно, заинтересованы в минимизации расходов, связанных с последствиями катастрофы, - чем меньше будет известно о радиогенных болезнях, тем лучше. Вот почему, прежде всего, в Беларуси сворачиваются чернобыльские исследования в бюджетных учреждениях и устраняются наиболее активные исследователи чернобыльского загрязнения.

Согласно официальным оценкам белорусских экспертов, общее число жертв Чернобыльской ката-

строфы, как и по сведениям МАГАТЭ, составляет около 4000 человек. В это общее число входят полсотни аварийных работников, погибших от острого лучевого поражения в 1986 году, 9 детей, умерших от рака щитовидной железы, а также оценочная цифра 3940 человек, которые могут умереть от рака, развившегося в результате радиационного облучения.

Другие данные говорят о том, что в сравнении с доаварийным периодом количество случаев рака щитовидки после чернобыльской аварии возросло среди детей в 33 раза, а среди взрослых — в 7 раз. Всего же в Беларуси зарегистрировано более 8 тысяч случаев заболевания раком щитовидной железы у детей и взрослых.

В результате чернобыльской аварии облучение получили три категории населения: работники, проводившие аварийно-восстановительные работы на Чернобыльской АЭС после аварии, жители, эвакуированные из загрязненных районов, и жители загрязненных районов, которые не были эвакуированы.

За двадцать лет, прошедших после аварии, население в целом получало облучение как от внешних источников (цезий-137 на почве), так и в результате поступления радионуклидов в организм с продуктами питания, водой и воздухом.

Какие заболевания уже стали или могут в будущем стать результатом радиационного воздействия в связи с аварией на Чернобыльской АЭС? Наиболее уязвимой частью населения являются дети, и после аварии было зарегистрировано значительное увеличение заболеваемости раком щитовидной железы у тех, кто получил облучение, будучи ребенком. До 2000 года в Беларуси, России и Украине было выявлено более 4000 случаев рака щитовидной железы у тех, кто во время аварии был ребенком.

Из долгосрочных эпидемиологических исследований хорошо известно, что повышенные уровни заболеваемости раком, вызванным радиационным воздействием, сохраняются в течение десятилетий после облучения. Поэтому следует продолжить оказание медицинской помощи и проведение ежегодных обследований лиц, работавших в Чернобыле и получивших большие дозы облучения. В прошлом году в Беларуси зафиксировано 11 случаев рака щитовидки на 100 тысяч населения у детей и 12,5 — у взрослых. В Гомельской области — соответственно 47,9 и 18,2. Белорусские специалисты сделали прогноз, согласно которому из тех, кому на момент аварии было от 1 года до 18 лет, через 50 лет раком щитовидной железы заболеют 12,5 тысячи человек. Рост всех форм рака отмечается с 1986 года. Самая свежая цифра — 33 тысячи заболевших в год. Всего же на учете состоят примерно 130-140 тысяч человек. Однако эксперты не спешат связывать все формы рака с влиянием Чернобыля, поскольку среди эвакуированного населения прямого роста "онкологии" не отмечено.

В целом же, 20 лет для такой глобальной катастрофы — не срок, мониторинг продолжается и, возможно, многие эффекты начнут проявляться только сейчас. Однако, кроме ряда серьезных физических заболеваний, первоочередными остаются психологические проблемы. Любая травмирующая авария или событие может вызывать появление симптомов стресса, депрессии, беспокойства (включая симптомы посттравматического стресса) и необъяснимых с медицинской точки зрения физических симптомов. В ходе исследований установлено, что уровни обеспокоенности среди групп, подвергшихся облучению, были в два раза выше, чем в контрольных группах, и что они были склонны в 3-4 раза чаще сообщать о возникновении многочисленных необъяснимых физических симптомов и о субъективном неудовлетворительном состоянии здоровья, чем лица, не подвергшихся облучению. Подобных симптомов у высших руководителей Беларуси обнаружено не было.

Егор КОРНИЛОВ.
Минск

Хроника региона

СУПРУГИ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОСЛОВ ПОСЕТИЛИ ЗАРАЖЕННЫЕ РАЙОНЫ

В преддверии 20-летия аварии на ЧАЭС представительницы Минского международного клуба супруг послов, аккредитованных в Беларуси, посетили регионы Гомельской области.

Как рассказала руководитель клуба Нина Арутюнян, традиция посещать загрязненные чернобыльские регионы заложена в минувшем году.

В этом году в центре внимания был Чечерский район. В поездке побывало 25 человек, в том числе супруги послов Армении, России, КНР, США, ФРГ, Франции, Палестины, Молдовы, Литвы, Ливии. По мнению посетивших Гомельщину супруг послов и дипломатов, такие поездки оставляют незабываемые впечатления.

Как обычно, супруги послов приехали с множеством подарков для местных жителей. Так, Чечерской городской больнице, фельдшерско-акушерским пунктам в деревнях Полесье и Залесье зарубежные дамы вручили аппараты для измерения уровня радиации в продуктах питания, а также все необходимые к нему компоненты — компьютеры и принтеры. Данное оборудование позволит жителям этих и близлежащих населенных пунктов измерять уровень радиации в грибах, ягодах, молоке. Результат исследования компьютер выдает сразу.

Зарубежные дамы также посетили школу-сад в деревне Полесье и Гомельский детский дом. В подарок детям женщины привезли музыкальный центр, игрушки, сладости, одежду. Ребятишки к приезду гостей подготовили концерт — для представительниц Минского международного клуба супруг послов в исполнении детей звучали стихи и песни.

НАЧАЛИСЬ РАБОТЫ ПО СОЗДАНИЮ ПАРКА ПАМЯТИ И СКОРБИ

В Чечерске начались работы по созданию Парка памяти и скорби. Как сообщил заместитель председателя Чечерского райисполкома Петр Нестерович, Парк создается в память о четырех районных сельских советах, которые прекратили свое существование после Чернобыльской аварии.

Парк памяти отселенным деревням, площадь которого составляет один гектар, разбит возле монумента жертвам катастрофы на ЧАЭС. Каждый из пострадавших сельсоветов района получил в нем именной участок. Особое место в парке определено бывшим четырем сельским советам (Холочскому, Крутовскому, Себровичскому и Беляевскому), которые прекратили свое существование после Чернобыльской аварии.

Разработкой проекта занимались специалисты жилищно-коммунального унитарного предприятия "Чечерское" и предприятия "Зеленстрой". Основные работы по созданию парка ведутся за счет пожертвований граждан, а также местных предприятий. Два года назад жителями Чечерска подобным образом был возведен монумент жертвам катастрофы на ЧАЭС.

Торжественное открытие Парка памяти и скорби состоится накануне 20-летия со дня аварии на Чернобыльской АЭС.

БелТА

Иван НИКИТЧЕНКО, профессор, член-корреспондент Национальной Академии наук Беларуси, академик Международной академии информационных технологий:

"ЖЕРТВЫ ЧЕРНОБЫЛЯ ДОЛЖНЫ ОБЪЕДИНИТЬСЯ В ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ"

— Председатель Госкомчернобыля Владимир Цалко озвучил такие фантастические цифры: убытки, которые нанес Беларуси Чернобыль за последние 20 лет, составляют 235 миллиардов долларов. Беларусь вложила в ликвидацию последствий 17,7 миллиарда долларов. Это реальные цифры, на ваш взгляд?

— Убытки нереальные. И вложения нереальные. В принципе, сама политика государства не должна быть такой, какую проводят власти Беларуси. Народ вымирает. Ведь главная причина смертности белорусов — именно последствия Чернобыля. А деньги, якобы вложенные в ликвидацию последствий, неизвестно куда делись. Вот в чем дело!

Я ведь с первых дней занимался этой проблемой, был в те времена заместителем председателя Госагропрома. Вот только один пример. Буда-Кошелевский район, была у меня экспериментальная база Меркуловичи (по дороге Могилев-Гомель). Это зона отселения. Километрах в 10, по другую сторону шоссе, построили новую деревню. Сделали замеры — нельзя жить. Бросили. Второй пример: построили новый коттеджный поселок рядом с деревней Рудня Журавлева Брагинского района, в 5 километрах от Припятского радиационно-экологического заповедника. Оказалось, тоже жить там нельзя.

Стоимость инженерных сетей, которые провели пинские чиновники к своим дачам в Ивановском районе, занесли в расходы по Чернобылю. А сколько было занесено не существующих, не построенных домов в расходы! Компенсации липовые выплачивали. И самое страшное, эти деньги ведь пошли не на спасение людей!

Там, в загрязненной зоне, вообще никакого строительства не нужно было вести. Мы, Научно-технический Совет при правительственной комиссии, были против. Возглавлял этот Совет академик Дмитриев, ныне покойный. Мы говорили: не вваливайте деньги зря! Витебщина тогда была относительно чистая. Нужно людей из зоны загрязнения отселять — направляйте 3-4 представителя в Витебскую область, пусть выбирают место под поселок и строятся там. Но тогда крайне негативную роль сыграл первый секретарь Гомельского обкома партии Алексей Камай. Он выступил на пленуме ЦК КПБ: мол, и так Гомельская область малонаселенная, а тут еще отселять предлагают. И это ему сошло с рук.

Вновь отстроенные населенные пункты в Гомельской, Могилевской областях и теперь стоят заброшенные. А ведь их надо было на чей-то счет списать! И сейчас деньги пускают на ветер. Да что тут говорить, ведь за два десятилетия только 138 тысяч человек были переселены в чистые регионы из нескольких миллионов пострадавших.

— С каждым годом количество загрязненных территорий сокращается, официальные власти признают их уже чистыми. Неужели так быстро можно избавиться от радиации?

— Да что вы! Наоборот, теперь практически нет чистых территорий. Сразу после аварии площади за колючей проволокой, в зоне загрязнения, распределили по хозяйствам — сейте и убирайте. И мы сеяли и убирали. В итоге — мы растащили радиацию по всей Беларуси, без преувеличения. Мы "скормили" 1 миллион тонн зерна радиоактивного, 1,6 миллиона тонн молока, примерно 52 тысячи тонн мяса радиоактивного, 200 тысяч тонн хвойной травяной муки. Это при контроле. А теперь никто же не контролирует! Это все через комбикорм шло птице, скотине, готовились компосты, развозились по полям... Так что я совершенно уверен, что в Беларуси нет чистых территорий.

— Но Госкомчернобыль отрапортовал, что с 1999 года в торговле не было зарегистрировано ни одного случая превышения нормы содержания радионуклидов в продуктах. Якобы существует трехступенчатая система контроля продукции...

— Это ложь. Ведь проверять-то некому и нечем. Конечно, можно сказать, что все чисто, если ничего не проверяется. Раньше пункты проверки были на каждом рынке, проверялась буквально вся продукция пищепрома. Завозились чистые продукты питания. Мясо даже из Голландии завозили, молоко — из Прибалтики, даже из Финляндии завозили. Раньше на каждом приусадебном участке 10 соток земли в обязательном порядке обрабатывалось клиноптилолитом. По 10 тонн клиноптилолита вносили на каждый участок. Это такой минерал, который "забирает" кристаллическую решетку цезия радиоактивного. Залежи его находятся в Грузии и Закарпатье. Возили оттуда.

У единственного учреждения, которое ведет контроль по всей цепочке (почва — продукты питания — здоровье человека), — Института радиационной защиты "Белрад" еще несколько лет назад было 380 пунктов контроля, теперь осталось около 80. Пройдитесь по рынку, попробуйте проверить продукты. Может, вам что-то и напишут в справке, за которую вы еще и заплатите. А потом зайдите в Институт радиационной защиты, проверьте, что едите на самом деле.

Сегодня уже не земли, не загрязненность почвы нужно проверять и даже не столько продукты, сколько людей. Надо проверить каждого человека на удельную радиоактивность тела. Если у него 50 беккерелей на килограмм — надо обязательно следить за тем, что человек ест. А если у ребенка 50 беккерелей — его надо немедленно убирать из зоны. Иначе — серьезные заболевания.

— В прошлом году Чернобыльским форумом был подготовлен основательный доклад "Медицинские последствия Чернобыльской аварии и меры по поддержке здоровья населения". И черным по белому в докладе написано: "Общее число жертв Чернобыля не превышает во всех странах 4 тысячи человек"...

— Я считаю, что потеря как минимум полумиллиона населения Беларуси — это последствия Чернобыля. С 1993 года население Беларуси сократилось на 480 тысяч человек. И будут идти значительные потери населения до 2020 года, даже если идеально мы применим все средства защиты. И потери эти составят в Беларуси не менее 1 миллиона человек до 2020 года. Сейчас на загрязненных территориях проживает 1 миллион 800 тысяч человек, из них 450 тысяч детей. Заболевания щитовидной железы, кроветворной системы, сердечно-сосудистые патологии, катаракты напрямую связаны с последствиями Чернобыля, это признают во всем мире.

— С одной стороны, правительство рапортует о переходе от стратегии социально-экономической реабилитации к устойчивому развитию. А складывается впечатление, что мы разрушаем даже то, что было создано...

— Так оно и есть. Как наиболее пострадавшая страна, Беларусь первой в 1991 году приняла Закон "О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС". Этот Закон призван защищать более 2 миллионов граждан. Вслед за Беларусью аналогичные законы были приняты парламентами России, Украины. Но, в отличие от соседей, действие этого Закона было недолгим. Президент своими Указами № 349 и 350 от 1 сентября 1995 года лишил чернобыльцев практически всех льгот и компенсаций. Не помогло и решение Конституционного Суда о несоответствии этих Указов Конституции и законам Беларуси. Ну, а дальше, как говорится, "пошло-поехало"... Малокомпетентное руководство Минздрава в последние годы практически ликвидировало все республиканские структуры, занимающиеся проблемой охраны здоровья пострадавшего населения — Институт радиационной медицины, Клинику радиационной медицины в Аксаковщине, Республиканский диспансер радиационной медицины. Предлог — создание Центра в Гомеле.

Почти не осталось никаких льгот у ликвидаторов. Резко ухудшилось обеспечение "чернобыльцев" медикаментами, почти все медицинские услуги стали платными, включая анализы крови.

Предъявляют претензии, что мало гуманитарной помощи нам Запад дает. А ведь "отрезали" гуманитарную помощь Александр Лукашенко и Виктор Кучинский, бывший начальник Департамента по гуманитарной помощи при Администрации президента. Теперь Лукашенко сказал, что и детей не надо возить на оздоровление за рубеж. А где их оздоравливать, когда практически вся территория Беларуси загрязнена?

— Все так мрачно. И что же теперь делать? Ведь все население Беларуси никто никуда не переселит и вмиг не оздоровит?

— Нужна система. Прежде всего, производить чистые продукты питания. Наладить жесткий радиационный контроль людей и того, чем они пользуются. Обеспечить нормальное медицинское обслуживание, выпуск препаратов, ускоряющих вывод радионуклидов из организма (тех же пектинов, довольно эффективного и дешевого препарата). Ведь импортные лекарства очень дорогие, а отечественных практически нет.

Я 4 года назад предложил правительству создать в каждом хозяйстве по 4 малых предприятия. Одно — осуществляющее агротехобслуживание: посеять, обработать почву, осуществить уход и убрать. Проверить нужно каждый участок. У нас не все виды растений одинаково реагируют, почвы разные... Второе предприятие — пекарня. Третье — для плодоовощной продукции. Четвертое — для мясомолочной. Денег для этого нет. А ведь Международный банк реконструкции и развития дал деньги, открыл гранд "Приорбанку", но тот не может дать кредит производителям. Почему? У потенциальных производителей нет своих средств (а там надо иметь своих 30 процентов), нет залогового имущества. Абсурд! И так — по всем направлениям.

Политика, которую проводят белорусские власти, ведет к геноциду. Власть имущие никак не хотят осознать степень опасности радиации для людей (включая и для них самих и их близких) и меру ответственности. Народу нужно объединиться и с властью разговаривать с позиции силы. Назвать это движение "Жертвы Чернобыля", ведь жертвы — это действительно все население Беларуси.

Беседовала Марина ПАШКОВА

ЛЮДИ НА ИЗЛЕТЕ

(Окончание. Начало на стр. 2)

Корни и веточки

На окраине Буда-Кошелево проходим в дом — просторный, добротный, светлый. Детский врач согласилась показать нам свою маленькую пациентку, но просит не очень в семье расспрашивать и не выказывать эмоций.

Малышка Инночка вот уже 10 месяцев живет вопреки приговору врачей: при рождении обнаружилось, что кровеносная система девочки "подсоединена" к сердечку так, как в принципе не бывает и быть не должно. Специалисты даже не планируют операций — бессмысленно. Молоденькая мама дочку не оставила, хотя врачи предлагали и страшные прогнозы сказали сразу. Инночка недавно пошла — вопреки врачам и даже возрасту, ведь редкие здоровые дети начинают топать в 10 месяцев.

Впрочем, по наблюдениям врача Валентины Смольниковой, здоровых детей в городке и районе нет. Малыши страдают самыми разными видами аллергий, много случаев астмы, желудочно-кишечных болезней, нарушений в работе сердца. Валентина Смольникова живет и работает в Будо-Кошелево всю жизнь, по возрасту давно могла бы уйти на пенсию, но истории своих пациентов она знает, что говорится, до четвертого колена, для многих она — испытанный и надежный семейный врач. И, может, поэтому, хотя Валентина активист нелюбимого и как будто "ликвидированного" властями фонда "Детям Чернобыля", ей позволяют работать.

— За прошедшие 20 лет треть населения нашего района — как не было, — рассказывает Смольникова. — Кто-то уехал, многие умерли, а многие не родились и уже никогда не родятся...

Щупленькая хлопотливая женщина встречает нас в сенях, приглашает в дом, пытаясь скрыть встревоженность числом пришедших с доктором "специалистов". Нарядная деточка в повязанном по-крестьянски платочке важно шествует нам навстречу по блестящим, вымытым половицам. В доме — ни пылинки, ворсистые бордовые портьеры на комнатных дверях, добротный ковер, шоколадные конфеты в хрустальной вазочке на столе. На подворье (заметили) повизгивают в приоткрытом хлеву свинки, чистая лохматая кошка пристраивается на солнечном подоконнике, высокомерно поглядывая сквозь стекло на уличную весеннюю грязь.

Встретившая нас хозяйка — молодая бабушка. Назовем ее Марией, не к месту в этой истории подлинные имена. Мария в нарядном велюровом халате — не всякая столичная хозяйка выглядит так. И, судя по тому, что в череде башмаков и тапочек на входе нет грязных, затоптанных, "добитых", в этом доме аккуратность не показная, не к приходу врача.

Красивый дом! Красивые, напряженные нашим визитом люди. Я позже, выслушав историю свалившихся бед, спрошу всердцах: "Что же вы не уехали? Может, подальше от этих мест все сложилось бы по-другому?" И сама пойму: о чем же это я? Такой дом не бросают — он построен не на одну жизнь. В семье, кроме старшей, две девчушки-школьницы, поднимать надо. Это только несерьезному человеку собраться — подпоясаться, люди, всерьез понимающие жизнь, пускают в нее корни...

Веточка-деточка, крошечная Инночка, что же не спасла тебя мощь этих корней? Молодая мама в нашем присутствии не проронила ни слова. Ее очевидно знобило — красивую девушку в удобных джинсиках. Умница, гордость местной школы, студентка Гомельского университета, почти дипломированный педагог... Мама Мария расскажет нам позже, наскоро и крайне взволнованно, что "переклинило" ее старшенькую, несет свой крест — слова не вытянешь. И ведь не болела ничем, шепчет мама, и парень у нее — лучше не пожелаешь, сосед, с детства знакомый, работящий, самостоятельный, лучшего ли зятя хотеть? Только вот совсем недавно у молодого отца обнаружился сахарный диабет — вдруг беда с Инночкой из-за этого? И врачи сказали, что лучше им больше детей не рожать...

Мария периодически поглаживает свое горло — на шее выпер зоб. Я говорю, что ей надо бы к врачу, женщина послушно кивает и шепчет мне в ответ, что никуда не пойдет, потому что — операция, а там скажут еще чего страшного, а ведь ей еще двоих школьниц на ноги поставить да и со старшей дочерью вот какая беда... Мария потеряла работу — магазин, где трудилась, закрылся. "Но теперь, — говорит, — я нужна дома". У нее работящий, толковый муж, поросят вот развели, чтобы сдавать — нужны деньги.

Мне кажется, она подозревает, что времени успеть у нее остается все меньше.

"Французское" стадо

Комарин — самый южный белорусский населенный пункт. До Чернобыльской атомной отсюда — километров 15. Перед Комарином — зона и проволока, а на окраине большого села — добротные коровники. Сотни рыжих, мордастых, мощных торсом и ласковых влажными глазами бычков готовы "рассказать" в наши микрофоны, что живется им тут неплохо, сытно, тепло.

Быки нездешней, "французской" породы. Хозяйство — участник государственной программы "возрождения пострадавших земель" — регулярно поставляет бычков на гомельский мясокомбинат. Руководитель хозяйства, крепкий, степенный мужчина с украинской фамилией, говорит, что случаи возврата скота можно по пальцам пересчитать — над стадом положен прижизненный радиационный контроль, тщательно проверяют "на радиацию" при отправке.

Возвращенный "живой товар" ставят на дополнительный, "чистый" откорм, через пару месяцев отправляют на мясокомбинат снова.

Ферма огромная — комплекс, а не ферма. Корма бычкам "с Луны" не везут — говорят, достаточно выявленных в округе чистых зон, где все необходимое вырастает. "Летает" ли радиация из-за близкой проволоки на "чистые" поля — вопрос очевидно риторический. Не побуждает к дискуссии и факт, что белорусские радиационные нормы для говядины (по зараженности цезием-137) почти втрое "либеральнее" российских. "Из Хиросимы же люди не уехали", — роняет степенный мужчина с украинской фамилией. Комплекс дает работу и заработок, завидный в этих местах. Раз здесь люди живут, им надо работать и зарабатывать.

Производство "чистой" продукции в зараженных зонах — вопрос политический. То есть, с точки зрения науки, такое почти возможно: академик Иван Никитченко подробно объяснял журналистам, что подобное достижимо при наличии серии мини-заводов, где полученная на зараженной территории продукция последовательно и многократно перерабатывается вплоть до получения безопасного человеку продукта.

Но государство избрало иную технологию. По-разному переименованные, но организационно те же колхозы-совхозы насыщаются техникой, удобрениями, семенами. Как правило, белорусского производства. Несомненно, с каждым годом все более дорогостоящими. Это только в отчетах звучит: "В 19 хозяйств Гомельской и Могилевской областей, работающих по программам переспециализации, поставлено 17 зерноуборочных комбайнов, 23 трактора. Туда же поступили элитные семена зерновых и картофеля, ветпрепараты, средства защиты растений, свыше 1,5 тыс. голов породистого мясного и молочного скота, 200 племенных свинок, 62 лошади..."

Хозяйственник из Комарина объяснил нам, сколько бычков надо вырастить и по государственной цене продать, чтобы оплатить очередной в приказном порядке поставленный трактор. У говоривших с журналистами местных специалистов потом были проблемы — очевидно, тот, кто относит себя к "государству", хотел бы, чтобы вкалывающие в зоне мужики озвучивали иную правду.

Поэтому я не называю зафиксированных в моем блокноте фамилий. Поэтому не хочу даже нечаянно задеть судом своих оценок людей, ближе иных оказавшихся к символу непреодоленной беды. Чернобыль — это еще и безмерная ответственность за правду и ложь, цинизм и веру, во время и после которых все равно остается беда глубины неизмерянной.

Маня МЫШКОВЕЦ.
Гомельская область

СТАЛКЕР СЕРГЕЙ

Через 20 лет после чернобыльской катастрофы 3800 человек все еще работают на атомной электростанции. Сергей Кошелев — один из них. От него исходит излучение большее, чем от кого бы то ни было, и он утверждает, что зависит от саркофага как от наркотика.

УВАГА!
РАДІАЦІЙНА НЕБЕЗПЕКА!
ПТАРВ "КОПАЧІ"
ТЕРИТОРІЯ ДСП "КОМПЛЕКС"
м. Чорнобиль, вул. Кірова, 52
ТЕЛ. 5-18 24, 5 24 84
В'ЇЗД НА ТЕРИТОРІЮ ПТАРВ БЕЗ ДОЗВОЛУ
КАТЕГОРИЧНО ЗАБОРОНЕНО!

Коллеги называют Сергея Кошелева сталкером. В 1989 году он впервые побывал внутри саркофага, этой хрупкой оболочки из бетона, свинца и стали, который был возведен вокруг взорвавшегося реактора, где еще сегодня уровень излучения составляет 3400 рентген в час. Как-то Сергею сунули в руку видеокамеру и сказали, он должен заснять ремонтные работы. С тех пор он бывает там почти каждую неделю. Иногда один раз, нередко — два раза. В Чернобыле нет никого, кто бывал бы в саркофаге чаще, чем он. "Саркофаг притягивает меня магическим образом, — говорит Сергей. — Он для меня как допинг. Как наркотик".

Скоро Сергею стукнет 43. Он заикается, это у него с детства. Но то, что он носит очки с линзами минус 5, обусловлено облучением; радиация поражает глаза. Он уже потерял шесть зубов: под действием облучения из организма вымывается кальций. Кроме того, у него постоянно увеличена щитовидная железа, но эта проблема встречается у всех, кто работает в Чернобыле. В общем и целом, говорит Сергей, в результате ежегодных медицинских обследований у него пока ничего серьезного не обнаружено.

Если он проживет еще семь лет, он сможет выйти на пенсию. Предельный возраст для работы у сотрудников Чернобыля мужского пола составляет 50 лет, у женщин — 45. Каждому причитается 56 дней отпуска, а зарплата превосходит среднюю по Украине (150 евро) в четыре-пять раз.

Температуры до тысячи градусов

Когда в 1986 году после катастрофы подбирали новый персонал для АЭС им.Ленина (как она называлась официально), для большинства согласившихся на эту работу зарплата была главным аргументом. Кроме того, Советская власть выделила каждой семье современную квартиру в панельном доме в возрожденном Славутиче. Строились детские сады, школы, концертные залы, бассейны и дискотеки, чтобы работа не казалась настолько ужасной.

Радиоактивность, принесенная после катастрофы осадками, была в 400 раз выше, чем от бомбы, сброшенной на Хиросиму. На севере Украине и в Беларуси радиоактивному заражению подверглась территория площадью 142 тысячи квадратных метров. Реактор горел в течение десяти дней; в его внутренней части температура держалась на уровне 1000 градусов. Людей, которые пытались потушить его, называли биороботами, так как они работали там, где машины с заданием не справлялись. 30 человек умерло на месте, сотни позже заболели раком.

Трещины и дыры

Сергей Кошелев, когда взорвался реактор в Чернобыле, жил в Петербурге. Его жена только что оставила его, от чего он очень страдал. Он хотел начать жизнь с начала. Кто-то сказал ему: "Ты же учился в техническом вузе. В Чернобыле ищут таких, как ты". В 1987 году, весной, он переехал и ни разу не пожалел об этом. Он познакомился со своей второй женой, которая работает в Чернобыле в финансовом отделе. У них есть 11-летняя дочь.

Уже 17 лет Сергей работает телеоператором. Его задача состоит в ежемесячном предоставлении отчета о состоянии саркофага, который был возведен всего через шесть месяцев после катастрофы. Когда Сергей заходит внутрь, он надевает маску и костюм радиационной защиты. Гораздо важнее, однако, шлем, говорит он, потому что обваливается потолок и на голову падают куски. Мороз, дождь и талая вода причиняют саркофагу непоправимый вред. Однако хуже всего то, что несущей опорой конструкции являются стены взорвавшегося реактора — и они все больше сдают под весом в 2000 тонн.

Видеозаписи Сергея показали в итоге, что общая площадь всех дыр и трещин саркофага составляет 100 квадратных метров.

Радиация пахнет "свежестью"

Продолжительность рабочего времени ремонтников, которые постоянно заняты тем, что латают негерметичные участки, сваривают несущие конструкции или прокладывают дренажи, зависит от дозы облучения. Часто им не разрешают оставаться в саркофаге дольше 10-15 минут. Сергей обычно задерживается там дольше. Тогда на видеозаписи можно услышать дикий писк его дозиметра, который давно показывает превышение дозы радиации, а на экране видны только точки, белые как снег, что тоже обусловлено излучением.

"В саркофаге — все равно что на минном поле, — объясняет Сергей. — Нужно очень внимательно следить, куда ты ступаешь". Для него в этих коротких моментах кроется что-то романтичное. Странным формам, которые приняли расплавленные топливные элементы, он дал имена. Например, круглый блок высотою в метр справа от взорвавшегося реактора он называет ногой слона.

Некоторые работающие в Чернобыле утверждают, что они сразу чувствуют, если получают слишком высокую дозу: внезапная головная боль, горящие подошвы ног, тянущие боли в правом яичке. Сергей считает, что радиоактивность ощущается по запаху. "Это запах свежести. Как после грозы".

650 миллионов евро на "Саркофаг"

Под саркофагом погребено около 200 тонн радиоактивных материалов. Если он обрушится, поднимется облако радиоактивной пыли. Поэтому уже многие годы обсуждается вопрос о строительстве сводчатой конструкции, превышающей по размерам футбольное поле и по высоте — статую Свободы, которую надо доставить по рельсам и водрузить над старым и ржавым саркофагом. 650 миллионов евро будет стоить проект под названием "Саркофаг". Это была бы самая большая мобильная конструкция в мире.

"Это единственно возможное решение, — говорит Сергей. — Ведь вопрос не в том, обрушится саркофаг или нет, вопрос в том, когда это случится". Кроме того, строительство нужно для того, чтобы вновь создать в регионе рабочие места. С тех пор как в декабре 2000 годы 1-й и 2-й блоки были отсоединены от сети и Чернобыль больше не производит электроэнергию, 8,2 тысячи человек из 12 тысяч остались без работы. Для большинства из них Чернобыль был не просто местом работы: это была семья, общность — клуб обреченных на смерть, которые презирают опасность.

До двух раз в неделю Сергей отправляется внутрь саркофага на съемки. Рабочие устраняют там протечки, заделывают трещины и дыры. Повреждено более ста квадратных метров оболочки.

Горячие слезы

Сергей за последние годы потерял семерых ближайших коллег; в основном своих сверстников. Но он убежден: "Это никак не связано с радиоактивностью". Один сам отравился самогоном, потому что он, как и многие в Чернобыле, полагал, что водка помогает от излучения. Другой скончался от рака легкого, но он курил сигареты без фильтра. Остальные умерли от инсульта или инфаркта. "Кроме того, — говорит Сергей, — есть люди, организм которых приспособился к излучению. Вот я, например".

Иногда, когда он приходит домой, его счетчик Гейгера так пищит, что жене приходится отмывать его кожу спиртом. Он пожимает плечами. "Вначале я частенько чувствовал, как ее горячие слезы капали мне на спину. Но она давно привыкла к этому. Она же знает, что Чернобыль — это моя судьба".

Андреас АЛЬБЕС
("Штерн")

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЛЕНИН

В.И.Ленин как политический руководитель и ленинизм как политическое те-чение произошли из жесткой конкурентной идеологической борьбы. Утрата понимания важности конкуренции мнений обернулась для коммунистов тя-желыми поражениями. Отступление от собственных идеалов, сформулиро-ванных марксистской мыслью, надо признать, долгое время едва ли не доми-нировало в истории коммунистического движения и драматическим образом сказалось на авторитете и влиянии коммунистов в современном обществе. Основа наших убеждений — марксизм — стал восприниматься как что-то тота-литарное, неперспективное, ошибочное.

Наверное, через все это нужно было пройти, чтобы вспомнить, актуализиро-вать и согласиться с опасениями Владимира Ильича, что, превращая мар-ксизм в догму, мы делали его "односторонним, уродливым, мертвым", мы вынимали из него "душу", мы подрывали "его связь с определенными прак-тическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом пово-роте истории".

Последняя фраза заключает в себе ничуть не устаревший диалектический по-сыл, ленинскую подсказку из далекого 1910 года, как действовать современ-ным коммунистам Беларуси. Дадим пояснения.

Участие ПКБ совместно с другими, в том числе буржуазными, партиями в широком общественно-политическом движении за демократизацию белорус-ской политической системы, против президентского самодержавия и произ-вола власти было воспринято частью "левых" сил, например КПБ, как преда-тельство.

Авторитарный синдром, которым КПБ неизлечимо больна со дня своего ос-нования, не допускает подобной "ереси". Уровень ее полемики — от теорети-ческого обоснования "окончательной и бесповоротной" диктатуры Лукашен-ко как формы осуществления воли и интересов всего белорусского народа до навешивания ярлыков типа "оборотень Калякин", "провокационная роль ру-ководства ПКБ", "отстойник оппортунизма и ревизионизма" и т.п. В допол-нение, все это сдобрено руганью по адресу Европы, демократии и Запада во-обще.

Накануне 136-й годовщины со дня рождения В.И.Ленина любопытно вспом-нить, чем объяснялась невероятная популярность марксизма в Российской империи (в состав которой входила и Беларусь) в конце XIX — начале XX ве-ков, что влекло к нему многих, в том числе и самого В.И.Ленина.

В своих заметках "Встречи с Лениным" Н.Валентинов (Вольский) вспоми-нал: "Нас привлекало в марксизме и другое: его *европеизм*. От него веяло, пахло не домашней плесенью, самобытностью, а чем-то новым, свежим, за-манчивым. Марксизм был вестником, несущим обещание, что мы не оста-немся полуазиатской страной, а из Востока превратимся в Запад, с его куль-турой, его учреждениями и атрибутами, представляющими свободный поли-тический строй. Запад нас манил".

Думается, не нужно пояснять, почему на весьма интересные воспоминания Валентинова в СССР было наложено табу. В них — не иконный, а живой, ди-намичный, противоречивый и *европейский* Ленин.

Владимир Ильич был новатором в политике. Он никогда не боялся предла-гать, отстаивать и реализовывать смелые политические шаги, даже если они расходились с традиционным пониманием марксизма. Меньшевики в 1905 году за головы хватались, когда Ленин заявил, что, выставив в качестве главного "требование политической свободы", социал-демократы должны не просто принять самое активное участие в буржуазно-демократической революции, но и войти после ее победы в буржуазное правительство. Как! Социал-демократы войдут в правительство с представителями буржуазии, которые составят там большинство! Они будут участвовать в "освящении буржуазно-го строя"! Позор! Обвинения в "оппортунистическом жоресизме", преда-тельстве, измене и отступничестве от марксизма посыпались на Ленина и большевиков, как из рога изобилия.

Марксизм для В.И.Ленина никогда не был доктриной, он всегда был инстру-ментом, опираясь на который можно было двигаться дальше. В свете этого разделение РСДРП на большевиков и меньшевиков — не просто раскол, про-диктованный вождистскими амбициями, в чем обвиняли Ленина меньшеви-ки. Как отметил современный российский марксист Б.Кагарлицкий, "прин-ципиальный раскол произошел между теми, кто, следуя за Лениным, готов был принять на себя риск борьбы за власть, теми, кто ответил на вызов исто-рии и совершил рывок в неизвестное, и теми, кто отказался от этого вызова, спрятавшись за учебниками, написанными Плехановым и Каутским". Эти слова вполне отражают сложную суть произошедшего.

Но вернемся в наши дни. Обвинения Партии коммунистов Белорусской в предательстве, ревизионизме, оппортунизме, непомерных амбициях и т.п. за-нимают едва ли не целые полосы газеты КПБ. Как в этих условиях должны действовать коммунисты? Думается, так же, как Ленин и его сторонники, т.е. самостоятельно, взвешенно, с учетом "определенных практических задач эпохи", в интересах белорусского народа. Коммунисты должны еще больше сплотиться в борьбе за демократию и политическую свободу в нашей стране.

Реализация этих условий позволит гражданам Беларуси, говоря словами В.И.Ленина, "учиться политике, т.е. разоблачать обман и доискиваться прав-ды". Именно этого больше всего боится нынешняя власть. И именно в следовании демократической традиции выражается сегодня ленинская сущность ПКБ.

Редакция

Партийная трибуна

УРОК ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Белорусский официоз любит поупражняться в изящной словесности, когда речь заходит о политических процессах в Украине. Раскол "оранжевой" команды, нерешительность Ющенко и авантюризм Тимошенко, блеск олигархов и нищета населения, гонения на русский язык — о чем только не писали штатные пропагандисты, дабы нарисовать в голове отрезанного от правдивой информации белорусского обывателя картину всеобщего хаоса и развала в стране-соседке.

Я не спорю: проблем, особенно социально-экономического порядка, в современной Украине предостаточно. Однако обратим внимание на некоторые политические итоги "оранжевой революции", подтвержденные парламентскими выборами 26 марта 2006 года. И пусть сегодня Леонид Кучма — отрицательный персонаж украинской политики, но уже скоро он займет свое место в истории. Во многом благодаря белорусскому примеру.

В 2004 году президент Украины сделал две эпохальные вещи: во-первых, после долгих терзаний не решился менять Конституцию под себя и баллотироваться на третий срок, во-вторых, добился принятия политической реформы, которая превратила страну из президентско-парламентской в парламентско-президентскую республику.

Изначально реформа была призвана продлить политическую жизнь самого Кучмы: из сильного президента он переквалифицировался бы в сильного премьер-министра, однако упорство, с которым глава государства отстаивал свое детище, будучи в статусе уходящего в историю политика, свидетельствует, что думал он все-таки не только о себе.

Переход к парламентско-президентской форме правления является одним из ключевых пунктов программы-минимум Партии коммунистов Белорусской. Украинцы давно поняли пагубность концентрации власти в одних руках, при том, что, в сравнении с Лукашенко, Кучму едва ли можно было назвать диктатором.

Сменивший его Виктор Ющенко тоже не стал тянуть на себя властное одеяло, хотя в течение 2005 года имел на это все возможности. Он понимает, что не дело главы государства определять сроки посевной или ассортиментный перечень гастронома. Президент должен мыслить масштабно и думать о будущем, а не стоять над душой каждого и решать сиюминутные задачи, пахнущие дешевым политпиаром. Один человек не может замыкать на себе все, иначе внешне стабильная система моментально рухнет после первого же серьезного испытания.

Смещение центра принятия решений резко увеличило значимость украинских парламентских выборов. Поражения "оранжевых" ждали многие, некоторые даже жаждали. Официальный Минск озвучивал это публично, на грани оскорблений. "Оранжевая революция в Киеве не имеет никакого отношения ни к Украине, ни к украинскому народу, — утверждал в марте главный белорусский элегантно-сокрушительный персонаж. — Доказательством тому будут предстоящие выборы в парламент Украины".

Доморощенные стратеги просчитались. 26 марта "оранжевые" получили большинство, которого у них не было в парламенте предыдущего созыва, — 243 депутатских места из 450. Для справки: в начале работы Верховной Рады предыдущего созыва в мае 2002 года три будущие "оранжевые" фракции имели в общей сложности 164 голоса, к концу, когда после победы Ющенко многие перешли на работу в исполнительную власть, — 113. О каком поражении речь?

Осенью 2004-го украинцы выходили на Майдан не из-за куска колбасы: он у них в СНГ не самый тонкий (тот же Киев по зарплатам мало уступает Минску, а цены намного ниже). Им хотелось самим решать свою судьбу, а не отдавать ее в руки зарвавшихся фальсификаторов. Пять тысяч уголовных дел за нарушение избирательного законодательства в ходе последних президентских выборов остудили многие горячие головы.

"Мы не быдло, мы не козлы, мы Украины дочки и сыны" — украинский избиратель уже не станет прежним, покорным и раболепствующим. На выборах в Верховную Раду он голосовал за перемены, прежде всего, в общественной жизни. После революции в умах рапортов о росте зарплат и пенсий оказалось уже недостаточно. На этом, кстати, поскользнулась партия власти "Наша Украина", отчасти мыслившая старыми, "хозяйственными" категориями и занявшая третье место с 14 процентами голосов.

Обращает на себя внимание и разборчивость украинского избирателя. 45 партий и блоков боролись за места в парламенте, превратив бюллетень в настоящее полотенце. Какие только названия не придумали: "Партия экологического спасения", "Держава — Трудовой союз", "Оппозиционный блок НЕ ТАК!" и даже "Партия политики Путина". Но только пять политических сил преодолели необходимый 3-процентный барьер.

Впрочем, одна из них оказалась в гордом, но явно незавидном одиночестве…

Еще недавно Коммунистическая партия Украины заставляла считаться с собой буквально всех игроков украинской политической сцены. От голосования депутатов фракции КПУ зависело принятие всех украинских законов, а лидер партии Петр Симоненко на президентских выборах 1999 года был основным соперником Леонида Кучмы, получив в первом туре 22,2 процента (почти 6 миллионов), а во втором 37,8 процента голосов (более 10,5 миллиона).

В 2004 году у Симоненко было уже 4,97 процента голосов и четвертое место, а на парламентских выборах-2006 коммунисты едва преодолели трехпроцентный барьер (3,66 процента), не набрав даже миллиона голосов. Нынешняя фракция КПУ из 21 депутата, к сожалению, уже ни на что повлиять не сможет.

Давайте говорить по-партийному откровенно. Это логичный итог отсутствия четкой линии поведения украинских коммунистов в период политического кризиса 2004 года, когда КПУ не было ни на Майдане, ни в стане противников Майдана. "Особый путь" оказался дорогой в никуда. И когда сегодня раздаются голоса о том, что и ПКБ следовало бы, конечно, продолжить борьбу с режимом Лукашенко, но при этом не участвовать в коалиции объединенных демократических сил, я думаю, что это тоже "особый путь" превращения партии в некую маргинальную силу, находящуюся вне политических процессов Беларуси.

Многие не перестают удивляться, как в Беларуси в одной коалиции могут уживаться коммунисты, социал-демократы, либералы и консерваторы… Ответ прост: осознание ответственности за судьбу страны и отсутствие болезненных политических амбиций.

Украина преподнесла нам урок политического здоровья. Но при всей стремительности демократических процессов в этой стране отдельным украинским политикам тоже есть чему поучиться у белорусов.

Сергея КАЛЯКИН,
первый секретарь Центрального Комитета ПКБ
(belarusinfo.net)

МОЛОДЫЕ ЛЮДИ ПРИДУТ В МОЮ ПАРТИЮ

Завершился важнейший этап политической кампании объединенных демократических сил, связанный с так называемыми выборами президента Республики Беларусь. Партия коммунистов Белорусская была активным участником этого процесса, и потому сегодня совершенно резонен вопрос: все ли сделали коммунисты для победы единого кандидата?

Ответ неоднозначен. С одной стороны, не все члены ПКБ смогли переступить через псевдоидеологические предрассудки и по этой причине не включились в активную работу. Но те коммунисты, которые осознали необходимость консолидации усилий всех демократических партий в борьбе с диктатурой и приняли в качестве руководства к действию политические решения ПКБ и Конгресса демократических сил Беларуси, работали честно и самоотверженно.

Наша партия взвалила на свои плечи ключевые участки работы. Мне кажется, мы с ними справились. Сейчас многие "умники" говорят: это надо было делать не так, а это — так. Может быть, но говорят об этом те, кто, как правило, сам палец о палец не ударил во время избирательной кампании. Наполеон как-то заметил: у победы много лиц, у поражения — ни одного.

Что делать дальше? Вопрос не простой. Или мы останемся ответственной политической силой и будем придерживаться обязательств, взятых на себя на Конгрессе демократических сил, или, как публичная девка, ввяжемся в закулисные торги о смене лидеров, о смене курса на коалиционность и т.д. На карту поставлена честь партии, и мы не вправе принимать скоропалительных и конъюнктурных решений.

Я убежден, что в самые критические моменты отечественной истории ПКБ всегда принимала верные политические решения. Вспомним, сколько грязи было вылито на нашу партию в 1996 году за переход в оппозицию к авторитарному политическому режиму и последовательное отстаивание демократических идеалов. Но то, к чему белорусские коммунисты пришли десять лет назад, сегодня защищает и отстаивает Партия коммунистов Республики Молдова — единственная компартия постсоветского пространства, сумевшая не только вернуться к власти, но и повторно выиграть парламентские выборы. Вот что сказал ее лидер, президент Республики Молдова Владимир Воронин на недавней конференции левых партий стран Евросоюза: "Мы становимся партией, для которой социальная справедливость немыслима без демократизации и свободы, включая в себя не только широкие демократические права, но полноценную возможность воспользоваться этими правами. Это концептуальное ядро нашей политической перспективы, определяющей и наше самоназвание, и наше отношение к практике иных политических партий".

Но это и наша политическая программа! Это наши практические действия после июльского пленума ЦК ПКБ 1996 года. Вся разница в том, что молдавским товарищам это стало ясно лишь после 5-летнего нахождения у власти.

Вывод: коммунисты всегда должны смотреть вперед, а не назад. Да, честь и слава тем, кто строил узкоколейки в 20-е годы прошлого века. Но почему мы должны требовать сегодня от молодежи строить те же узкоколейки? Если нам было плохо, так и им должно быть плохо? Что за эгоизм? Молодежь хочет любить и быть любимой, она хочет жить в цивилизованном мире. Это право молодого поколения. И если мы хотим, чтобы юноши и девушки Беларуси шли в ПКБ, мы должны в первую очередь говорить об их проблемах, а не о проблемах предшествующих поколений. Я — уже немолодой человек, но когда вижу на улице целующихся молодых людей, искренне радуюсь за ребят и не понимаю старческого брюзжания: "Мы себе такого не позволяли". Если молодым хорошо, значит, и мне хорошо, значит, жизнь на земле продолжается.

И я верю, что молодые люди придут в мою партию — в Партию коммунистов Белорусскую.

Георгий НАХМАНОВИЧ,
член Центрального Комитета ПКБ,
первый секретарь Советского районного комитета ПКБ г.Минска

ЗА СВОБОДУ С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ

Репортаж из тюремной камеры

Пока сидела 10 суток, не раз доводилось слышать от сокамерниц, преимущественно молодых женщин и юных девушек: "Если бы не попали на Окрестино, может, и отошли бы от демократического движения — личная жизнь, учеба, работа; но теперь нет — нельзя мириться с такой властью…"

ВО ВСЕХ ПРОТОКОЛАХ И ПРИГОВОРАХ ВРАНЬЕ

Я лично попала на сутки так. 22 марта приехала в Минск в Белорусский республиканский клуб избирателей с окончательными отчетами о результатах независимого наблюдения за процессом голосования на президентских выборах. Привезли с Александром Цецурой — солигорским лидером индивидуальных предпринимателей — целую папку актов о нарушениях, заявлений в прокуратуру, в участковые избирательные комиссии.

Часам к трем дня мы с Александром разделились: он поехал по своим делам, а я направилась на Октябрьскую площадь. Хотелось пообщаться с ребятами и девчатами, которые осмелились открыто бросить вызов власти и основали вольный палаточный городок.

Поразила атмосфера доброжелательности, душевной теплоты, царившая в городке. Было видно, что молодые люди, живой изгородью обозначившие границы свободной территории, устали, но не проявляли ни страха, ни растерянности. Возле палаток стояли термосы с горячим кофе и чаем. Лежали горы бутербродов — любой мог погреться и перекусить. То и дело появлялись жительницы Минска с пакетами и сумками. Как правило, зрелого, пожилого возраста. Они приносили домашнюю снедь, раздавали ребятам и девчатам. Одна из них принесла огромный торт, разрезанный на большие куски. Буквально каждому предлагала: возьмите, возьмите, сладкое холод отпугивает.

Масса корреспондентов, стрекочут камеры, обитатели городка поют белорусские национальные песни, шутят, смеются.

А вокруг городка тоже масса людей: любопытствующих, сочувствующих, представители ОБСЕ, посольств, немало плотно сбитых мужчин с колючими глазами и почему-то в одинаковых вязаных темных шапочках. И одного милиционера в форме.

Около шести вечера на мой мобильник позвонил Александр Цецура: пора домой, он уже ждет в машине возле площади Свободы. Солигорчанин Олег Борин тоже собрался с нами.

До машины Александра мы не дошли метров пятидесяти. При переходе улицы со спины на нас буквально прыгнули двое мужчин в черном. Впихнули в легковое авто. Отвезли за Дворец Республики, втолкнули в автобус, где уже томилось человек пятнадцать таких же "врагов народа". "Будете сидеть, пока не набьем весь автобус, второй уже сегодня", — хохотнул один из "черных" спецназовцев.

Привезли молодого парня, потом еще несколько парней и девчат. Потом парня с сумкой, в которой "черные" обнаружили наклейки со словом "надоел". Один из "черных" точно сошел с ума. С матами и руганью он заклеил наклейками все лицо задержанного парня, его голову, несколько раз ударил.

— Будешь сидеть так! Сдохните все! Это кто же вам надоел, отморозки?

Reuters

Через полчаса нас повезли на Окрестино. Перед отправкой в автобус заглянуло какое-то начальство. Приказало наклейки с лица парня снять.

После унизительных процедур с обыском и съемкой на видеокамеру, мы, наконец, в камере. Со мной еще трое. Двое из них — студентки БГУ. Одну задержали в метро, другую — на автобусной остановке. Третья, молодая женщина, вообще ехала на своей машине. Остановил инспектор ГАИ. В багажнике нашли палатку. Приказали ехать за ними. Препроводили прямо на Окрестино. В рапортах и протоколах о задержании у двоих из нас значилось активное участие в несанкционированном митинге, выкрики антиправительственных лозунгов, нереагирование на требования сотрудников милиции. У двух остальных еще проще: пила на площади водку и ругалась матом. Кстати, и владелица авто, оказывается, тоже. Чуть позже к нам подселили еще одну девятнадцатилетнюю студентку. Ее задержали на день раньше, уже прошла через суд. Получила 10 суток за мат и водку.

— И вкуса водки не знаю, — сокрушалась девушка, — но судья даже слушать не стала.

На следующий день все вновь задержанные смогли убедиться, что судьи действительно ничего не слушают...

Вот и я в кабинете судьи И.Левковой. Та зачитала рапорт работников милиции А.Курчанинова и С.Жура о моем задержании, протокол, мое пояснение о том, что все написанное ложь и что виновной я себя не признаю. Подтвердила я и устно: никаких лозунгов не выкрикивала, милиционеры предупреждения мне не делали. Да и не могли делать: их там не было, и на митинг все это было мало похоже. Судья полюбопытствовала: видела ли я в городке пьяных?

— Ни одного. И лозунгов не слышала, песни слышала.

— Какие песни? — тут же вцепилась И.Левкова.

— Народные.

Получила свои 10 суток с обосновывающей этот приговор интригующей фразой: учитывая личность Л.Насанович. Вероятно, нелестное мнение о моей личности у судьи И.Левковой сложилось после моих слов о том, что приехала в Минск с отчетами по независимому наблюдению, а также из совета в адрес милиции не писать столь однотипные протоколы задержания.

На следующее утро нас перевели в соседнюю камеру, к таким же, как и мы "политическим". Их осудили на сутки-двое раньше. У троих из пятерых также арест в постановлении суда "обосновывался" матом и пьянкой.

— Мы в политике-то особо не участвовали, — рассказывала Татьяна, программист по образованию и профессии. На площадь с мужем приходили, потому что рядом живем. Приносили ребятам еду, теплые вещи. Всегда считали, что это нормально, когда люди отстаивают свою гражданскую позицию. А нас пьяницами объявили. Ну что за государство!

Взяли Татьяну вместе с мужем, когда несли на площадь одеяло.

— В политику теперь действительно активно пойду, — высказалась архитектор Настя. — Ну и суды у нас! Ни свидетелей, ни доказательств не требуется. Заказ сверху — и в кутузку.

Ее тоже больше всего возмутило лживое обвинение в мате и пьянстве.

— Бьют "черные" парня в автобусе, все лицо в крови. А они смеются: "Варенье размазано", — вспоминала Алена, студентка БГУ. — Я теперь жалею, что мало на площади бывала. Кто им дал право считать нас за быдло?

ХОЛОД, ГОЛОД И ДРУГИЕ СРЕДСТВА ПОДАВЛЕНИЯ

Первую ночь после задержания практически не спали. Полчаса вздремнешь — просыпаешься от холода. От батареи шло едва ощутимое тепло, сидели возле нее по очереди. Голые деревянные кровати — ни матраса, ни одеяла, ни подушки — добавляли ощущения физической зябкости. Покормить нас в первый вечер, очевидно, забыли, ни капли еды и питья и во второй день. Правда, в камере был кран с горячей и холодной водой. Так что холодную мы пили — подставив ковшиком руки (посуды никакой не было), а под горячей, когда уже совсем продрогли, грели руки, вытирая их после этого о свои куртки и пальто. А тут еще у одной из девушек критические дни начались. А в камере даже и туалетной бумаги нет. Вызвали охранника.

— Ну что я могу? — разводит он руками. — Нет у меня ничего. И фельдшера сегодня не будет. Уж обходитесь как-нибудь.

— Вызывайте "скорую", — потребовали мы.

Правда, вызвал. Вывел девочку. Вернулась она, сообщила: врач скорой дала две таблетки анальгина, сказала при ней выпить.

— А вату, прокладки?

— Сказала нет у нее. Надзирательница потом, оглядываясь, одну сунула.

Теплилась у нас надежда на передачи с воли. Но весьма призрачная. Позвонить по телефону не позволили никому. Ни в день задержания, ни в день суда. Сидели-гадали: где ищут нас сейчас родственники? Вечером 23-го одной нашей студенточке, Юле, пришла передача. Ее судили на день раньше нас. Как в последствии узнали, позвонили домой из деканата, в вузы милиция о задержаниях все-таки сообщала. Обычно же о местонахождении человека, помещенного на отсидку "за площадь" родственники узнавали по прошествии полутора-двух суток. Помогала в оповещении правозащитная организация "Весна". Чтобы передать необходимое "политическим", люди томились у Окрестино в длинных очередях более суток.

Но мы ничего этого тогда еще не знали. Мы просто радовались, глядя на первый пакет с воли. Бережно отпивали из бутылки минеральную воду, с наслаждением жевали печенье, съели по мандарину. Старались сдержать аппетит: неизвестно, как скоро нас все-таки начнут кормить и появится ли что-нибудь с воли еще.

Вторая ночь прошла также. В смысле того, что холод по-прежнему не давал спать. Полчаса забыться, потом хождение по камере, физическая зарядка, потом опять полчаса забытья. Тем не менее, уныния не было. Разговаривали. Студентки, как о чем-то обыденном, говорили, что их, скорее всего, отчислят.

Когда 24-го утром нас перевели в соседнюю камеру на уплотнение, на пять коек оказалось десять человек. Окрестино уплотняли до предела — с Октябрьской площади автобусы с задержанными приезжали все чаще.

"Старожилы" из соседней, а теперь нашей общей камеры угощали нас конфетами, печеньем, соком. Смогли мы, наконец, и умыться с мылом — оно у девчат уже было, благодаря стараниям родственников.

Около 12 часов дня, 24 марта, принесли нам, задержанным еще 22 числа, первую тюремную пайку: каша (крупа на воде, ни капли жира или масла), кружка тепловатой почти несладкой жидкости под названием чай, четверть булки хлеба, кусок батона. Часов в 6 вечера вторая и последняя кормежка в сутки — пара черпаков супа, которому весьма подходило название баланда, опять пустая каша с маленькой котлеткой, те же хлеб, батон, чай.

— Учтите, девчата, — предупредила нас "старожилка" архитектор Настя. — За это питание нам всем при выходе на волю придется платить. По 4800 рублей в сутки.

Вечером дверь отворилась, и к нам пожаловал гость в штатском, как он сам отрекомендовался, ответственный работник МВД.

— Студентки есть? — начал резким тоном.

— Есть.

— На бесплатном учитесь?

— Да.

— Теперь будете учиться на платном, если вообще будете.

Потребовал у студенток назвать фамилии.

— Сначала представьтесь вы нам, — услышал в ответ.

Ответственный чин представляться не пожелал. Вместо этого завел воспитательную беседу о том, какие все лидеры оппозиции нехорошие, как они используют молодежь, а сами гребут деньги. Но власть сейчас доберется до них — уголовные дела заводятся одно за другим.

В ответ наш дружный сокамерный коллектив заговорил о необъективности и жестокости власти и в доказательство привел собственные задержания, липовые протоколы, необъективные судебные приговоры, абсурдные обвинения в пьянстве и матерщине. Вспомнили девчата и какого-то активиста-бэзрэсэмовца, противника оппозиции, которому 10 суток вообще ни за что дали: в магазине задержали и самолично причислили к оппозиции. Вспомнили и девочку с теологического факультета, задержанную в подземном переходе с отглаженными платьицами в сумке — ехала в общежитие после выходных, проведенных дома.

В общем, разговор уходил не в ту сторону, куда его собирался направить чин. Он попытался выправить положение: сказал, что если девчата надеются получить образование за границей, то там из белорусских женщин делают проституток. В ответ послышался смех и просьба доставить в камеру тряпку, чтобы помыть пол: грязно и пыльно.

Потом Окрестино посетила миссия ОБСЕ. После этого нам стали регулярно предлагать душ. Правда, не обеспечив при этом мылом и полотенцем.

СИСТЕМУ НАДО МЕНЯТЬ

Окрестино, наверное, долго будет помнить постояльцев последней декады марта первой — декады апреля 2006 года. Много пели, смеялись, шутили. Охранники то и дело заглядывали в глазки камер и не могли понять — почему эти люди радуются, почему они не в смятении.

"Жыве Беларусь!" — несколько раз в день раздавалось по всем этажам изо всех камер. "Ганьба!" — неслось из тех же камер, когда белорусское радио передавало свою очередную интерпретацию событий в стране. Те, кто выходил на волю раньше, прощались с остающимися как с самыми дорогими людьми. Ни злости, ни обид, ни страха. Было что-то сродни тем чувствам, когда умный, духовно зрелый человек натыкается на угрозы и оскорбления со стороны озлобленных хамов.

Я, когда выходила на свободу, подумала: "Недостойно человека испытывать страх перед такой государственной системой. Систему надо просто поменять. Вон сколько нас, умных, образованных, духовно развитых людей. Неужели не сумеем сделать все, как надо?"

Лариса НАСАНОВИЧ.
Солигорск

ТОВАРИЩ

Свидетельство о регистрации № 466, выданное Министерством информации Республики Беларусь 26.09.2005

Учредитель: Центральный Комитет ПКБ
Издатель: УП "Наш товарищ"

Адрес для писем: 220005, г.Минск, а/я 194.
Адрес редакции: г.Минск, пр-т Рокоссовского, 63-1.
E-mail: ck_pkb@mail.ru
Тел.: 8 029 564-04-22, 8 029 670-04-22

Отпечатано в типографии ООО "ТМК".
Россия, г.Москва, 2-я улица Энтузиастов, д.5, к.5
Тел. +7 (495) 673 34 33
Подписано в печать 23.00 19.04.06
Объем 2 печатных листа.
Заказ №0024/180406 Тираж 100000 экз.